

Грибоѣдовъ и Чацкій *).

(Въ 75-лѣтію смерти А. С. Грибоѣдова.)

II.

Грибоѣдовъ дебютировалъ въ литературѣ мелкими драматическими и стихотворными подѣлками, не выдѣлявшимися изъ ряда посредственности. «Горе отъ ума» сразу выдвинуло его въ первые ряды литературы, и онъ занялъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ—вблизи многоцвѣтной «Пушкинской плеяды».

При самомъ своемъ появленіи знаменитая комедія вызвала цѣлую бурю восторговъ и нападокъ, суетонокъ противорѣчивыхъ мнѣній, и авторъ въ изобиліи получилъ «славы дань, кривые толки, шумъ и брань».

Уже въ самомъ началѣ 1825 года ему пришлось защищаться въ письмѣ противъ стремительной атаки Катенина.

«Критика твоя, хотя жестокая и вовсе несправедливая, принесла мнѣ истинное удовольствіе тономъ чистосердечія, котораго я напрасно буду требовать отъ другихъ людей: не уважая искренности ихъ, негодуя на притворство, чортъ ли мнѣ въ ихъ мнѣнія? Ты находишь главную погрѣшность въ планѣ: мнѣ кажется, что онъ простъ и ясенъ по цѣли и исполненію. Дѣвушка, сама нелуная **), предпочитаетъ дурака умному чело-вѣку (не потому, чтобы умъ у насъ грѣшныхъ былъ обыкновененъ—нѣтъ! и въ моей комедіи 25 илупцовъ на одного здравомыслящаго чело-вѣка), и этотъ чело-вѣкъ, разумѣется, въ противорѣчій въ обществомъ, его окружающимъ; его никто не понимаетъ, никто простить не хочетъ за то, (что) онъ немножко повыше прочихъ; сначала онъ веселъ, а это по-рокъ: «шутить и въѣтъ шутить—какъ васъ на это станеть!»—Слегка перебираетъ странности прежнихъ знакомыхъ. Что же дѣлать, коли нѣтъ въ нихъ благороднѣйшей замѣтной черты!—ею насмѣшки незвѣтлыми,

*) См. «Русская Мысль», 1904, кн. I.

***) Въ письмѣ къ Бѣгичеву (1824 г.) Грибоѣдовъ называетъ Софью «негодяйкой». Кстати, въ томъ же письмѣ онъ рекомендуетъ себя «врагомъ крикливаго шала», дѣлалъ, однако, исключеніе для своей сестры и жены Бѣгичева.

покуда ея не взбѣсятъ, но все-таки: «не человѣкъ! змѣя!», а послѣ, когда вмѣшивается личность: «нашихъ затронули», предается анаемѣ: «унизить радъ, кольнуть! завистливъ, гордъ и золъ!» Не терпитъ подлости: «ахъ, Боже мой, онъ — карбонарій!» Кто-то со злости выдумалъ о немъ, что онъ сумасшедшій, никто не повѣрилъ, и всѣ повторяютъ, голось общаго недоброхотства и до него доходитъ, при томъ и не любовь къ нему той дѣвушки, для которой единственно онъ явился въ Москву, ему совершенно объясняется, онъ ей и всѣмъ наплевалъ въ глаза и былъ таковъ. Ферзь тоже разочарована насчетъ своего сахара медовича. Что же можетъ быть полнѣ этого? На замѣчаніе Катенина: «сцены связаны произвольно» онъ возражаетъ: «такъ же, какъ въ натурѣ всякихъ событій, мелкихъ и важныхъ: чѣмъ внезапнѣе, тѣмъ болѣе увлекаютъ въ любопытство. Пишу для подобныхъ себѣ, а я, когда по первой сценѣ угадываю десятую, раззѣваюсь и вонъ бѣгу изъ театра».

Несогласенъ онъ и съ упрекомъ пріятеля: «характеры портретны». — «Да! и я, коли не имѣю таланта Мольера, то по крайней мѣрѣ чистосердечнѣе его: портреты и только портреты входятъ въ составъ комедій и трагедій; въ нихъ, однако, есть черты, свойственныя многимъ другимъ лицамъ, а инныя всему роду человѣческому настолько, насколько каждый человѣкъ похожъ на всѣхъ своихъ двуногихъ собратій. Карриатуръ ненавижу, въ моей картинѣ ни одной не найдешь. Вотъ моя поэтика. Ты воленъ просвѣтить меня, и коли лучше что выдумаешь, я позаимусь отъ тебя съ благодарностью. Вообще я ни передъ кѣмъ не тайся и сколько разъ повторяю... что тебѣ обязанъ зрѣлостію, объемомъ и даже оригинальностію моего дарованія, если оно есть во мнѣ. Одно прибавлю о характерахъ Мольера: мѣщанинъ во дворянствѣ, мнимый больной—портреты, и превосходные; Скупецъ—Антропосъ собственной фабрики, и несносенъ.... Я какъ живу, такъ и пишу свободно и свободно».

Пушкинъ познакомился съ «Горе отъ ума» въ началѣ 1825 г. въ Михайловской глуши, куда привезъ эту свѣжую литературную новизку Пушкинъ. Онъ «слушалъ Чацкого, но только одинъ разъ, и не съ тѣмъ вниманіемъ, коего онъ достоинъ». При чтеніи онъ «не критиковалъ, а наслаждался». Но кое-что «замѣтилось мелькомъ». Впрочемъ, «замѣчанія пришли въ голову послѣ», когда нельзя уже было справиться. Мимолетность впечатлѣнія, какъ всегда у Пушкина, не помѣшала его глубинѣ и своеобразію, мудрой прозорливости основного вывода.

«Драматическаго писателя должно судить по законамъ, имъ самимъ надъ собой признаннымъ. Слѣдственно, не осуждаю ни плана, ни завязки, ни приличій комедій Грибоедова. Цѣль его—характеры и рѣзкая картина нравовъ. Въ этомъ отношеніи *Фамусовъ* и *Скалозубъ* превосходны. *Софья* начертана неясно: не то...., не то московская кузина. *Молчалинъ* не довольно рѣзко подлъ; не нужно ли было сдѣлать изъ него и труса? Старая пружина—но штатскій трусъ въ большомъ свѣтѣ между Чацкимъ и Скалозубомъ могъ быть очень забавенъ. *Les propos du bal*, сплетни,

разсказъ *Репетилова* о клубѣ, *Загорыцкій*, всѣми отъявленный и вездѣ принятый—вотъ черты истинно комическаго гения.

«Теперь вопросъ: въ комедіи *Горе отъ ума* кто умное дѣйствующее лицо? Отвѣтъ: *Грибоѣдовъ*. А знаешь ли, что такое *Чацкій*? Пылкій, благородный и добрый малый, проведшій нѣсколько времени съ очень умнымъ человѣкомъ (именно съ *Грибоѣдовымъ*) и напитавшійся его мыслями, островами и сатирическими замѣчаніями *). Все, что говоритъ онъ, очень умно. Но кому говорить онъ все это? *Фамусову*? *Скалозубу*? На балѣ московскимъ бабушкамъ? *Молчалину*?—Это непростительно.—Первый признаетъ умнаго человѣка—съ перваго взгляда знаетъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло, и не метать бисера передъ *Репетиловыми* и тому подобными. Кстати, что такое *Репетиловъ*? Въ немъ два, три, десять характеровъ. Зачѣмъ дѣлать его гадкимъ? Довольно того, что онъ вѣтренъ и глупъ съ такимъ простодушіемъ; довольно, чтобъ онъ признавался поминутно въ своей глупости, а не въ мерзостяхъ. Это смущеніе чрезвычайно ново на театрѣ, хоть кому изъ насъ не случилось конфузиться, слушая ему подобныхъ кающихся. Между мастерскими чертами этой прелестной комедіи, недовѣрчивость *Чацкаго* въ любви *Софьи* къ *Молчалину*—прелестна, и какъ натуральна! Вотъ на чемъ должна была вертѣться вся комедія; но *Грибоѣдовъ*, видно, не захотѣлъ—его воля. О стихахъ не говорю—половина должна войти въ половицу».

Несмотря на то, что комедія не была напечатана, споры изъ частныхъ бесѣдъ и писемъ скоро перешли на страницы тогдашнихъ *Журналовъ* **).

Яростнымъ нападеніемъ однихъ отвѣчали восхищеніе и преклоненіе другихъ. Споры влѣбли и относительно комедіи вообще, и относительно *Чацкаго* въ особенности.

«*Вѣстникъ Европы*» 1825 г. (статья *М. А. Дмитриева*, «*Лже-Дмитріева*», по мѣткому выраженію кн. *Вяземскаго*), увидѣлъ въ *Чацкомъ* «человѣка, который злословитъ и говоритъ все, что ни придетъ въ голову: естественно, что такой человѣкъ наскучитъ во всякомъ обществѣ, и чѣмъ общество образованнѣе, тѣмъ онъ наскучитъ скорѣе!» Онъ «есть не что иное, какъ сумасбродъ, который находится въ обществѣ людей *совсѣмъ не умныхъ, но не образованныхъ* и который умничаетъ передъ ними, потому что считаетъ себя умнѣе: слѣдственно, все смѣшное на сторонѣ *Чацкаго*! Онъ хочетъ отличиться то остроуміемъ, то *какимъ-то бранчивымъ патриотизмомъ* передъ людьми, которыхъ презираетъ: онъ презираетъ ихъ, а между тѣмъ, очевидно, хотѣлъ бы, чтобы они его уважали! Словомъ, *Чацкій*, который долженъ быть умнѣйшимъ лицомъ пьесы, представленъ.... менѣе всѣхъ разсудительнымъ».

*) Срав. письмо къ кн. *Вяземскому* того же года: «читаю я *Чацкаго*. Много ума и смѣшного въ стихахъ, но во всей комедіи ни плана, ни мысли главной, ни истины. *Чацкій* совсѣмъ не умный человѣкъ, но *Грибоѣдовъ* очень уменъ».

**) Всѣ главныя раннія критическія статьи о «*Горѣ отъ ума*» собраны въ нападеніи сочиненій *Грибоѣдова Сергѣевскаго* (СПб., 1868).

Сомовъ въ «Сынѣ Отечества» выступилъ съ рѣзкою критикою мнѣній Дмитріева. На его взглядъ, Грибовъдовъ совсѣмъ не думалъ сдѣлать Чацкаго лицомъ идеальнымъ: «существа заоблачныя, образцы совершенства, нравятся намъ, какъ мечты воображенія, но не оставляютъ на насъ впечатлѣній долговременныхъ и не привязываютъ насъ къ себѣ». «Онъ представилъ въ лицѣ Чацкаго умнаго, пылкаго и добраго молодого человѣка, но не вовсе свободнаго отъ слабостей: въ немъ ихъ двѣ, и обѣ почти неразлучны съ предполагаемымъ его возрастомъ и убѣжденіемъ въ преимуществѣ своемъ передъ другими. Эти слабости—заносчивость и нетерпѣливость. Чацкій самъ очень хорошо понимаетъ.... что, говоря невѣждамъ объ ихъ невѣжествѣ и предразсудкахъ и порочнымъ объ ихъ порокахъ, онъ только напрасно теряетъ рѣчь; но въ ту минуту, когда пороки и предразсудки трогаютъ его, такъ сказать, за живое, онъ не въ силахъ владѣть своимъ молчаніемъ: негодование противъ воли вырывается у него потокомъ словъ колкихъ, но справедливыхъ. Онъ уже не думаетъ, слушаютъ и понимаютъ ли его, или нѣтъ: онъ высказалъ все, что у него лежало на сердцѣ—и ему какъ будто бы стало легче. Таковъ вообще характеръ людей пылкихъ, и сей характеръ схваченъ г. Грибовъдовымъ съ удивительною вѣрностію. Положеніе Чацкаго въ кругу людей.... набитыхъ предразсудками и заносчивыхъ въ своемъ невѣжествѣ.... въ кругу ихъ тѣмъ интереснѣе, что онъ, видимо, страдаетъ отъ всего, что видитъ и слышитъ. Невольно чувствуешь къ нему жалость и оправдываешь его, когда онъ, какъ бы въ облегченіе самому себѣ, высказываетъ имъ обидныя свои истины».

Противъ Дмитріева выступилъ и «Московскій Телеграфъ». Для него Чацкій—не идеалъ совершенства, но человѣкъ молодой, пламенный, въ которомъ глупости другихъ возбуждаютъ насмѣшливость.... къ которому можно отнести стихи поэта: «не терпѣть сердца нѣмоты». Въ немъ видны «сила характера, презрѣніе предразсудковъ, благородство, возвышенность мыслей, обширность взгляда».

По поводу постановки третьяго акта комедіи на сценѣ въ 1830 году тотъ же журналъ опять возвращается къ Чацкому, который теперь для него «существо, духомъ возвысившееся въ лучшій міръ и между тѣмъ подверженное всѣмъ слабостямъ брэннаго бытія, само означенное недостатками и по неизбѣжному влеченію страстей привязанное къ земному». «Этотъ пламенный, добрый, умный, благородный Чацкій, этотъ отважный врагъ всего того, что противно чести и понятію объ истинно хорошемъ, этотъ Чацкій влюбленъ и по страсти своей обязанъ быть въ обществѣ, которое совершенно для него неприлично. Вдобавокъ къ тому, по молодости, по пылкости своей, онъ сдѣлался нетерпѣливымъ, заносчивымъ; онъ не можетъ скрыть того, что лежитъ у него на душѣ; у него вырываются не правоченія и не брань, а какія-то колкія выходки, какъ будто невольно раждающіяся отъ его превосходства надъ всѣми окружающими его. Ознакомившись съ Чацкимъ, нельзя его не полюбить, но, узнавши

его характеръ, должно признаться, что нѣтъ средства ужиться съ такимъ человѣкомъ!» Чацкій «является между нами, какъ судья двухъ поколѣній. Указывая на недостатки прошедшаго, онъ въ самомъ себѣ не утаиваетъ всѣхъ недостатковъ настоящаго. Чацкій можетъ назваться представителемъ нашихъ мнѣній о минувшемъ и нашихъ надеждъ на будущее, лучшее, совершеннѣйшее. Чацкій дразнить своихъ современниковъ, и посему долженъ вытерпѣть горе, происходящее отъ ума».

Для Гоголя *) «всѣ лица комедіи Грибоедова суть такія же дѣти полупросвѣщенія, какъ фонвизнины—дѣти непросвѣщенія, русскіе уроды, временныя, переходящія лица, образовавшіяся среди броженія новой закваски. Прямо—русскаго типа нѣтъ ни въ комъ изъ нихъ: не слышно русскаго гражданина. Зритель остается въ недоумѣніи насчетъ того, чѣмъ долженъ быть русскій человѣкъ. Даже то лицо которое взято, повидимому, въ образецъ, т. е. самъ Чацкій, показываетъ только стремленіе чѣмъ-то сдѣлаться, выражаетъ только негодованіе противу того, что презрѣнно и мерзко въ обществѣ, но не даетъ въ себѣ образца обществу». «Скопище уродовъ общества, изъ которыхъ каждый окаррикатурялъ какое-нибудь мнѣніе, правило, мысль, извративши по своему законный смыслъ ихъ, должно было вызвать въ отпоръ ему другую крайность, которая обнаружилась ярко въ Чацкомъ. Въ досадѣ и въ справедливомъ негодованіи противу ихъ всѣхъ, Чацкій переходитъ также въ излишество, не замѣчая, что черезъ это самое и черезъ этотъ невоздержный языкъ свой онъ дѣлается самъ нестерпимъ и даже смѣшонъ».

Князь П. А. Вяземскій **) считаетъ «Горе отъ ума» «не комедіей нравовъ, а развѣ обычаевъ, и въ этомъ отношеніи многія части картины превосходны». «Дѣйствія въ драмѣ, какъ и въ твореніяхъ Фонвизина, нѣтъ или еще менѣе. Здѣсь почти всѣ лица эпизодическія, всѣ явленія выдвинуты: ихъ можно выдвинуть, вдвинуть, перемѣстить, пополнить, и нигдѣ не замѣтишь ни трещины, ни придѣлки. Самъ герой комедіи, молодой *Чацкій*, похожъ на *Стародума*. Благородство правилъ его почтенно, но способность, съ которою онъ ех *abrupto* проповѣдуетъ на каждый попавшійся ему текстъ, нерѣдко утомительна. Слушающіе рѣчи его точно могутъ примѣнить къ себѣ названіе комедіи, говоря: «Горе отъ ума!» Умъ, каковъ Чацкаго, не есть завидный ни для себя, ни для другихъ. Въ этомъ главный порокъ автора, что посреди глупцовъ разнаго свойства вывелъ онъ одного умнаго человѣка, да и то бѣшенаго и скучнаго. Мольеровъ *Альцестъ*, въ сравненіи съ *Чацкимъ*, настоящій Филитъ, образецъ терпимости. Пушкинъ прекрасно характеризовалъ сіе твореніе, сказавъ: «*Чацкій* совсѣмъ не умный человѣкъ, но *Грибоедовъ* очень уменъ».

Всѣ эти нападки—ничто сравнительно съ стремительнымъ обличеніемъ Бѣлинскаго въ 1839 году, переживавшаго тогда острый кризисъ увлеченія

*) „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“.

**) Соч., V, стр. 143.

«дѣйствительнымъ-разумнымъ», отвращенія ко всему активному и слишкомъ субъективному въ жизни и въ творествѣ.

«Что, кромѣ помѣшаннаго, предается такому откровенному и задушевному изліанію своихъ чувствъ, на балѣ, среди людей, чуждыхъ ему? Да если бы это были и не Фамусовы, не Загорѣцкіе, не Хлестаковы, а люди отлично умные и глубокіе, и тѣ приняли бы его за помѣшаннаго!»

«Что за глубокій человекъ Чацкій? Это—просто крикунъ, фразеръ, идеальный шутъ, на каждомъ шагу профанирующій все святое, о которомъ говоритъ. Неужели войти въ общество и начать всѣхъ ругать въ глаза дураками и скотами значить быть глубокимъ человекомъ? Что бы вы сказали о человекѣ, который, войдя въ кабакъ, сталъ бы съ одушевленіемъ и жаромъ доказывать пьянымъ мужикамъ, что есть наслажденіе выше вина—есть слава, любовь, наука, поэзія, Шиллеръ и Жанъ-Поль Рихтеръ?... Это—новый Донъ-Кихотъ, мальчикъ на палочкѣ верхомъ, который воображаетъ, что сидитъ на лошади... Глубоко вѣрно оцѣнилъ эту комедію кто-то, сказавшій, что это горе,—только не отъ ума, а отъ умничанья. Искусство можетъ избрать своимъ предметомъ и такого человека, какъ Чацкій. Но тогда изображеніе долженствовало бѣ быть объективнымъ, а Чацкій—лицомъ комическимъ; но мы ясно видимъ, что поэтъ не шутя хотѣлъ изобразить въ Чацкомъ идеалъ глубокаго человека въ противорѣчій съ обществомъ, и вышло Богъ знаетъ что».

«Кромѣ Чацкаго, ни на что непохожаго, всѣ прочія лица живы и дѣйствительны». «Чацкій какой-то образъ безъ лица, призракъ, фантомъ, что-то небывалое и неестественное. Но какъ не художественно-созданное лицо комедіи, а выраженіе мыслей и чувствъ своего автора, хотя и некстати, странно и дико вмѣшавшееся въ комедію, самъ Чацкій представляется уже съ другой точки зрѣнія. У него много смѣшныхъ и ложныхъ понятій, но всѣ они выходятъ изъ благороднаго начала, изъ бьющаго горячимъ ключомъ источника жизни. Его остроуміе вытекаетъ изъ благороднаго и энергическаго негодованія противъ того, что онъ справедливо или ошибочно почитаетъ дурнымъ и унижающимъ человѣческое достоинство, и потому его остроуміе такъ колко, сильно и выражается не въ каламбурахъ, а въ сарказмахъ. И вотъ почему всѣ бранятъ Чацкаго, понимая ложность его, какъ поэтическаго созданія, какъ лица комедіи, и всѣ наизусть знаютъ его монологи, его рѣчи, обратившіеся въ пословицы, поговорки, прирѣченія, эпиграфы, въ афоризмы житейской мудрости».

О самой комедіи окончательный приговоръ Бѣлинскаго таковъ.

«Горе отъ ума» есть въ высшей степени поэтическое созданіе, рядъ отдѣльныхъ картинъ и самобытныхъ характеровъ, безъ отношенія къ цѣлому, художественно-нарисованныхъ кистью широкою, мастерскою, рукою твердою, которая если и дрожала, то не отъ слабости, а отъ кипучаго, благороднаго негодованія, которымъ молодая душа еще не въ силахъ была совладѣть. Въ этомъ отношеніи «Горе отъ ума», въ его цѣломъ, есть какое-то уродливое зданіе, ничтожное по своему назначенію, какъ, напри-

сарай, но здание, построенное из драгоценнаго паросскаго мрамора, съ золотыми украшеніями, дивною рѣзбою, изящными колоннами... И въ этомъ отношеніи «Горе отъ ума» стоитъ на такомъ неизмѣримомъ и безконечномъ пространствѣ выше комедій Фонвизина, какъ и ниже «Ревизора».

Сдѣланная Бѣлинскимъ характеристика произвела сильное впечатлѣніе и вліяла почти на всѣ послѣдующія оцѣнки.

Первый рѣшился выступить противъ нея Гончаровъ въ своемъ извѣстномъ этюдѣ: «Миліонъ терзаній». Онъ взялъ на себя, и очень ловко выполнилъ, защиту комедіи, сценичности ея дѣйствія и реабилитацію Чацкаго.

По его мнѣнію, «Горе отъ ума» отличается молодавостью, свѣжестью и болѣе крѣпкой живучестью отъ другихъ произведеній слова». Въ немъ «картина московскихъ нравовъ извѣстной эпохи, созданіе живыхъ типовъ и ихъ искусная группировка», «кругъ знакомыхъ читателю лицъ, и притомъ такой опредѣленный и законченный, какъ колода картъ», и «эпиграмматическая соль языка», и «живая сатира—мораль», «вѣчно острая, ягучая сатира», и «галлерея живыхъ типовъ». Но оно—и комедія, «больше всего комедія». «Это — тонкая, умная, изящная и страстная комедія, въ тѣсномъ, техническомъ смыслѣ, вѣрная въ мелкихъ психологическихъ деталяхъ, но для зрителя почти неуловимая, потому что она замаскирована типичными лицами героевъ, гениальной рисовкой, колоритомъ мѣста, эпохи, прелестью языка, всѣми поэтическими силами, такъ обильно разлитыми въ пьесѣ. Дѣйствіе, т.-е. собственно интрига въ ней, передъ этими капитальными сторонами, кажется блѣднымъ, лишнимъ, почти ненужнымъ. Только при разбѣдѣ въ сѣняхъ зритель точно пробуждается при неожиданной катастрофѣ, разразившейся между главными лицами, и вдругъ напоминаетъ комедію-интригу. Но и то не надолго. Передъ нимъ уже вырастаетъ громаднѣйшій, настоящій смыслъ комедіи».

Чацкій не только умнѣе всѣхъ другихъ лицъ пьесы, но и положительно умень. Онъ человекъ развитой, «чувствительный, веселый и острый», безукоризненно честный; рѣчь его кипитъ умомъ, остроуміемъ.

Сравнительно съ Онѣгинимъ и Печоринымъ онъ — искреннѣйшій и горячѣйшій дѣятель, а тѣ паразиты, изумительно начертанные великими талантами, какъ болѣзненные порожденія отжившаго вѣка. Имъ заканчивается ихъ время, а Чацкій начинаетъ новый вѣкъ—и въ этомъ все его значеніе и весь «умъ».

«Живучесть роли Чацкаго состоитъ не въ новизнѣ неизвѣстныхъ идей, блестящихъ гипотезъ, горячихъ и дерзкихъ утопій, или даже истинъ en herbe: у него нѣтъ отвлеченностей. Провозвѣстники новой зари, или фанатики, или просто вѣстовщики — всѣ эти передовые курьеры неизвѣстнаго будущаго являются и, по естественному ходу общественнаго развитія, должны являться, но ихъ роли и фізіономіи до безконечности разнообразны. Роль и фізіономія Чацкихъ неизмѣнна. Чацкій больше всего обличитель лжи и всего, что отжило, что заглушаетъ новую жизнь, — «жизнь свободную». Онъ знаетъ, за что онъ воюетъ и что должна принести ему эта жизнь

Онъ не теряетъ земли изъ-подъ ногъ и не вѣрпитъ въ призракъ, пока онъ не облекся въ плоть и кровь, не осмыслился разумомъ, правдой, словомъ, не очеловѣчился». Его сломила старая сила своимъ количествомъ, но онъ нанесъ ей смертельный ударъ качествомъ своей свѣжей силы. «Онъ вѣчный обличитель лжи, запрятавшейся въ пословицу: «одинъ въ полѣ не воинъ». Нѣтъ, воинъ, если онъ Чацкій, и притомъ побѣдитель, но передовой воинъ, застрѣльщикъ и всегда жертва. Чацкій неизбеженъ при каждой смѣнѣ одного вѣка другимъ... Чацкіе живутъ и не переводятся въ обществѣ, повторяясь на каждомъ шагу, въ каждомъ домѣ, гдѣ подъ одной кровлей уживается старое съ молодымъ, гдѣ два вѣка сходятся лицомъ къ лицу въ тѣсномъ семействѣ, гдѣ длится борьба свѣжаго съ отжившимъ, больного съ здоровымъ... каждое дѣло, требующее обновленія, вызываетъ тѣнь Чацкаго—и кто бы ни были дѣятели, около какаго бы человѣческаго дѣла, будетъ ли то новая идея, шагъ въ наукѣ, въ политикѣ, въ войнѣ, ни группировались люди, имъ никуда не уйти отъ двухъ главныхъ мотивовъ борьбы: отъ совѣта «учиться, на старшихъ глядя», съ одной стороны, и отъ жажды стремиться отъ рутинны къ «свободной жизни» впередъ и впередъ—съ другой».

Эти взгляды Гончарова были повторены и мѣстами углублены въ талантливой, хотя не безъ специфическаго нововременскаго запаха, статьѣ г. Суворина: «Горе отъ ума и его критики» при его прекрасномъ изданіи комедіи Грибоѣдова 1886 года.

Они были сочтены послѣднимъ, рѣшающимъ словомъ, пересказывались на разные лады въ послѣдующей литературѣ о Грибоѣдовѣ и даже вошли въ учебники (наприм., Незеленова).

Какъ реакція противъ крайностей мнѣнія Бѣлинскаго, они сыграли свою роль; ихъ рѣзкое противорѣчіе взглядамъ Пушкина, Гоголя, кн. Вяземскаго, Бѣлинскаго не позволяеть однако окончательно успокоиться на нихъ и даетъ намъ нѣкоторое право взяться за новый пересмотръ вопроса, за попытку свести къ одной формулѣ противорѣчія изложенныхъ выше мнѣній

III.

Русская литература знаетъ рядъ типовъ, возникшихъ, такъ сказать, на автобіографической почвѣ. Они зародились въ таинственныхъ нѣдрахъ души художника, какъ результатъ, прежде всего, самонаблюденія, но онъ придавъ имъ объективное бытіе. Субъективное происхожденіе спрятано такъ глубоко, что вскрывается только послѣ самаго внимательнаго анализа. Таковы, наприм., Онѣгинъ, Рудинъ.

Исторія происхожденія «Евгенія Онѣгина» выяснена теперь уже достаточно. Несомнѣнно, при началѣ своего романа Пушкинъ преслѣдовалъ сатирическія цѣли, «захлебывался желчью», пытался развѣнчать «безнадежный эгоизмъ, облеченный въ унылый романтизмъ», въ который выролдился у насъ байронизмъ, и которымъ, правда, непродолжительное время, увле-

кался и самъ великій поэтъ. Онъ объективировалъ то, что уже переболѣло и перегорѣло въ его душѣ, казнилъ себя и своихъ сверстниковъ за «пародированіе» Байрона. Онъ гину, съ полною откровенностью, онъ приписалъ и черты своего характера, и черты своей жизни. Но, зародившись на субъективной почвѣ, самый типъ росъ, впитывая въ себя всестороннія наблюденія надъ жизнью и получая все болѣе и болѣе общее значеніе. По мѣрѣ того, какъ раздвигалась передъ Пушкинымъ «даля свободнаго романа», которая раньше видѣлась «неясно», «какъ сквозь магическій кристаллъ», у него росло сожалѣніе къ герою, «молодому повѣсѣ», жертвѣ воспитанія и общественнаго строя,—сознаніе, что въ данномъ случаѣ «нѣтъ виновныхъ», или виновны всѣ.

Та же двойственность, автобіографическія нотки, развѣнчиваніе и обличеніе, сожалѣніе и оправдываніе, чувствуется и въ Рудинѣ. Таковъ же, приблизительно, и процессъ созданія Чацкого.

Грибоѣдовъ приписалъ ему рядъ чертъ своей жизни и личности.

Даваемые писателемъ біографическія подробности о Чацкомъ не вполнѣ вѣдутся другъ съ другомъ.

Сверстникъ 17-лѣтней Софьи (они вмѣстѣ росли и играли), онъ успѣлъ побывать три года за границей, передъ этимъ служилъ въ Петербургѣ до «разрыва съ министрами», былъ въ военной службѣ. Разочарованіе въ Петербургѣ и «мундирѣ», отношенія къ Фамусову и московскому обществу, взгляды на службу, крѣпостное право, цѣли жизни, «чужебѣсіе», интеллигенцію и народъ, «старину святую», нѣмцевъ—все это досталось Чацкому по наслѣдству отъ Грибоѣдова. Оба они хотѣли было «искать ума» за границей; оба пришли къ грустному выводу — тамъ лучше, «гдѣ насъ нѣтъ»; обоихъ тяготили — культурное одиночество, внутренній разладъ, отсутствіе связи съ народомъ и такъ называемымъ «образованнымъ обществомъ», на самомъ дѣлѣ «поврежденными полувропейцами».

Но онъ—*Чацкій* первоначальной редакціи, т.-е. человекъ въ чаду, въ угарѣ увлеченій. Онъ—«здравомыслящій человекъ», «немножко повыше прочихъ», и потому, «разумѣется, въ противорѣчьи съ обществомъ».

Фамусовъ, можетъ быть, преувеличилъ, но, вѣроятно, имѣлъ основаніе сказать:

По матери пошелъ, по Аннѣ Алексѣевнѣ:
Покійница съ ума сходила восемь разъ.

Сознательно или безсознательно, Грибоѣдовъ отмѣтилъ у своего героя рядъ противорѣчій и странностей.

Онъ достаточно знакомъ съ характеромъ фамусовскаго кружка и московскаго общества. Конечно, не за границей сложились его то насмѣшливые, то негодующіе и бичующіе отзывы о нихъ: они навѣяны были впечатлѣніями прежней жизни и развѣ только были подчеркнуты и усилены заграничными наблюденіями. Софья вспоминаетъ:

Онъ съѣхалъ: ужъ у насъ ему казалось скучно,
И рѣдко посѣщалъ нашъ домъ.

Любовь къ Софѣ не помѣшала бросить ее одну, наивную и перазвѣтную, въ самый критическій моментъ, когда складывался ея моральный характеръ, когда душа ея изстрадалась по любви и ласкѣ, среди

мучителей толпы,
Въ любви предателей, въ враждѣ неутомимыхъ,
Разсказчиковъ неукротимыхъ,
Нескладныхъ умниковъ, лукавыхъ простяковъ,
Старухъ зловѣщихъ, стариковъ,
Дряхлѣющихъ надъ выдумками, вздоромъ...

А онъ прекрасно понималъ всю опасность положенія: по словамъ Лизы,

Слезами обливался,
Я помню, бѣдный онъ, какъ съ вами разставался.
„Что, сударь, плачете? ждите-ка смѣясь“.
А онъ въ отвѣтъ: „недаромъ, Лиза, плачу:
Кому извѣстно, что найду я воротысь,
И сколько, можетъ быть, утрачу!“

И онъ утратилъ—все...

За границей улегся «милльонъ терзаній» отъ московскаго общества, и Чацкій возвращается въ примирительномъ настроеніи:

Опять увидѣть ихъ мнѣ суждено судьбой!
Жить съ ними надобѣсть, и въ комъ не сыщешь пятенъ?
Когда жъ постранствуешь, воротиться домой,
И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятель!

Хотя этотъ дымъ ѣлъ и будетъ ѣсть глаза...

Въ концѣ пьесы, уходя съ бала, онъ подводитъ итоги перваго дня, проведеннаго въ Москвѣ послѣ возвращенія:

Ну, вотъ и день прошелъ, и съ нимъ
Всѣ привраки, весь чадъ и дымъ
Надеждъ, которыя мнѣ душу наполняли...
Чего я ждалъ? что думалъ здѣсь найти?
Гдѣ прелесть эта встрѣчь? участие въ комъ живое?
Крикъ! радость! обнялись!... Пустое!...

Несомнѣнно, Чацкій имѣетъ въ данномъ случаѣ въ виду не одну Софью, но и все вообще московское общество. И его постигаетъ полное разочарованіе:

Куда ни взглянешь,
Все та же гладь и степь, и пусто, и мертво...

Тоска по родинѣ, сознаніе своего одиночества и ненужности подогрѣваютъ его любовь къ Софѣ. Онъ пѣпляется за нее, какъ утопающій за соломинку. Разочаровавшись въ военной и гражданской службѣ, Москвѣ и Петербургѣ, Россіи и Западѣ, онъ пробуетъ спастись любовью къ Софѣ отъ холода отчаянія. Его встрѣчаютъ «въ строгомъ чинѣ», съ «лицомъ святѣйшей богомолки», заставляють «терпѣть холодности». Препятствія, тѣмъ болѣе обидныя, что они необъяснимы и непонятны, задѣвають само-

любие и подогрѣваютъ любовь. Чацкій пытается расшевелить угасшее у Софьи чувство мольбами, упреками, остротами, комплиментами, воспоминаніями—все напрасно. Онъ не хочетъ замѣчать слишкомъ ясныхъ отношеній къ себѣ Софьи; увлекшись краснорѣчіемъ, пропускаетъ мимо ушей брошенное ею не безъ яду сравненіе съ тетушкой-сплетницей, не считается съ слишкомъ ясно выраженнымъ раздраженіемъ Софьи при оскорбительномъ замѣчаніи о Молчалинѣ и объясняется въ любви болѣе чѣмъ некстати, нарываясь на злую фразу:

Да, хорошо—сгорите, если жъ нѣтъ?

По собственному признанію, у него «умъ съ сердцемъ не въ ладу».

Сердце томится отъ любви къ Софьѣ только до тѣхъ поръ, пока умъ не будетъ охваченъ какой-нибудь идеей. Увлечшись характеристиками общихъ московскихъ знакомыхъ, Чацкій какъ бы забываетъ о Софьѣ и своемъ чувствѣ, многого не замѣчаетъ, то и дѣло попадаетъ впросакъ. Онъ бросается отъ одной темы къ другой и всего меньше готовъ осмыслить теперь свое новое положеніе. Онъ все болѣе входитъ въ роль обвинителя—некстати, и его нападки изъ невинныхъ и мимолетныхъ дѣлаются все болѣе серьезными и ядовитыми.

Ему приходится не замѣчать враждебнаго отношенія Софьи, промѣнявшей разговоръ съ нимъ послѣ продолжительной разлуки на шипцы и завиванье, и ея отца, очень некстати свататься и на проницескій вопросъ Фамусова:

Обрыскалъ свѣтъ—не хочешь ли жениться?

отвѣчать болѣе чѣмъ наивно:

А вамъ на что?

Онъ не хочетъ сначала ссориться съ Фамусовымъ, говорить съ нимъ сдержанно даже тогда, когда тотъ задѣваетъ его нравственное чувство. Характеризуя «прямой вѣгъ покорности и страха», онъ спѣшитъ оговориться:

Я не объ дядюшкѣ объ вашемъ говорю—
Его не возмутимъ мы праха.

«Браня безпощадно его вѣгъ», онъ «предоставляетъ во власть» Фамусову:

Отвяньте часть
Хоть нашимъ временамъ въ придачу—
Ужъ такъ и быть, я не поплачу.

Это, конечно, нѣкоторый компромиссъ изъ-за любви: Чацкій слишкомъ хорошо знаетъ Фамусова, чтобы не понимать всей бесплодности примирительнаго тона по отношенію къ нему. Онъ долженъ былъ даже послѣдовать оскорбительному совѣту Фамусова относительно Скалозуба:

Пожалуйста, сударь, при немъ остерегись...
.....
Пожалуйста, при немъ веди себя скромненько.

Фамусовъ не представляетъ его этому «извѣстному человѣку, солидному», «не нынче, завтра генералу», намекаетъ на возможность его сватовства и осмѣливается даже окрикнуть Чацкаго, когда тотъ скромно упомянулъ о силѣ предразсудковъ:

Эй, завяжи на память узелокъ;
Просилъ я помолчать—не велика услуга...

Чацкій долженъ былъ молчать, видя низкое угодничество Фамусова, слыша, какъ онъ навязываетъ Софью Скамовубу...

Пока надъ нимъ царствуетъ любовь; но, когда сильно и больно задѣли его самолюбіе и гражданское чувство, онъ забываетъ обо всемъ, громитъ Фамусова и Мосяву, «Нестора негодяевъ знатныхъ» и московскихъ дамъ,—ставитъ на карту отношенія къ Фамусову, свои надежды.

Несомнѣнно, чувство Чацкаго къ Софьѣ головное по преимуществу. Оно зародилось въ пору юности,

Когда все мягко такъ, и нѣжно, и незрѣло...

Софья правильно объясняетъ его возникновеніе:

Да, съ Чацкимъ, правда, мы воспитаны, росли,
Привычка вмѣстѣ быть день каждый неразлучно
Связала дѣтскою насъ дружбой...

Юношеское исканіе любви и привычка положили начало роману, въ которомъ и до отъѣзда Чацкаго за границу были значительныя колебанія. Завязавшіяся отношенія не настолько были крѣпки, чтобы удержать Чацкаго отъ поѣздки. Они отступаютъ для Чацкаго каждый разъ на второй планъ и перестаютъ играть роль въ его жизни, когда что-нибудь сильно затронетъ его умъ. Онъ покидаетъ Софью на три года, даже не пишетъ ей. Это не мѣшаетъ ему «кипѣть, волноваться и бѣситься», когда онъ опять возвращается къ ней...

Не только въ Молчалинѣ, но и въ немъ отсутствуютъ

Та страсть, то чувство, пылкость та,
Чтобъ кромѣ васъ ему міръ цѣлый
Казался прахъ и суета;
Чтобъ сердца каждое биенье
Любовью ускорилося къ вамъ;
Чтобъ мыслямъ были всѣмъ и всѣмъ его дѣламъ
Душою—вы, вамъ угожденье.

Вѣдь это тоже, о чемъ мечтала Софья и что нарушилъ Чацкій:

Ахъ, если любить кто кого,
Зачѣмъ ума искать и ѣздить такъ далеко?

Идеи и убѣжденія отвлекаютъ его отъ Софьи, и борьба за нихъ заглушаетъ голосъ оскорбленнаго чувства...

Процессъ мысли слишкомъ силенъ въ немъ, захватываетъ его цѣлкомъ, притупляетъ наблюдательность и тактъ. Чацкій слишкомъ мало счи-

тается съ своими собесѣдниками и почти всегда говоритъ съ самимъ собою, всецѣло отдаваясь потоку своихъ идей, обращая діалогъ въ монологъ. Отсюда—разговоры по существу, но некстати съ Фамусовымъ и Молчаливымъ, «гласъ вопіющаго въ пустынѣ»—на балѣ, постоянные перебои любовныхъ терзаній, вспышекъ обличительнаго жара и не всегда умѣстной проповѣди...

«Опасный мечтатель» для Фамусовскаго кружка, онъ только «врагъ исканій», «не требующій ни мѣсты, ни повышенья въ чинѣ». Общительность и слишкомъ слабый жаръ къ наукамъ, «искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ» помѣшали ему послѣдовать примѣру князя Федора и двоюроднаго брата Скалозуба, засѣсть въ деревнѣ за книги, уйти въ химію и ботанику. Онъ не можетъ обойтись безъ Москвы, которую такъ бранить—и мы не знаемъ, гдѣ вообще онъ можетъ найти «оскорбленному чувству уголокъ».

Его идеалы, вычитанные изъ книгъ, слишкомъ далеки отъ дѣйствительности, не могутъ ни ея измѣнить, ни къ ней приспособиться, и въ этомъ заключается главный драматизмъ положенія Чацкихъ. Эти идеалы—только «пять-шесть мыслей здравыхъ». Они элементарны для эпохи, когда уже созрѣла политическая мысль декабристовъ. Последняя во всей откровенности не прошла бы, конечно, черезъ тогдашнюю цензуру. Можетъ быть, «завиральныя идеи» Чацкаго—либеральныя, но мы ихъ слишкомъ мало видимъ и должны брать то, что создалъ авторъ, а не то, что онъ могъ создать.

И не выигрываетъ ли общественный смыслъ «Горе отъ ума» или «Горюму» (первоначальное названіе) отъ сравнительной скромности рѣчей Чацкаго? Радикальныя, революціонныя рѣчи могли бы запугать и не однихъ Фамусовыхъ, но хороша общественная среда, для которой даже нехитрыя рѣчи Чацкаго о гнусности прислужничества и злоупотребленій вѣрными правомъ показали призывомъ къ бунту и вѣрнымъ признакомъ безумія!

Не зная, куда себя подѣть и всѣми силами цѣпляясь за любовь къ Софьѣ, Чацкій волнуется и бѣснуется по поводу того, кого она любитъ—Молчалина или Скалозуба, не задерживаясь на мысли, что она прежде всего—не любитъ его. Онъ имѣетъ полную возможность узнать всю правду, даже догадывается—и не узнаетъ только потому, что не хочетъ. Оборвись последняя ниточка, привязывающая его къ жизни, за нею—пропасть, въ которую страшно и жутко заглянуть. И онъ инстинктивно отворачивается отъ нея, тѣшитъ себя безплодными иллюзіями, вопреки очевидности убѣждаетъ себя въ томъ, чему такъ хочется вѣрить. Онъ рѣшается даже на подслушиваніе, не щадитъ наивной, несчастной Софьи, бьетъ лежащую, осыпая ее грубо-несправедливыми упреками.

Конечно, все это сдѣлалъ Грибоѣдовъ умышленно. Чацкій для него—не идеалъ, а человѣкъ «немножко повыше» остальныхъ, подверженный слабостямъ и ошибкамъ. Это—умъ, конечно, но умъ не передовой для

той эпохи, не выдающійся изъ ряда вонъ, взявшій слишкомъ большую власть надъ жизнью сердца—«съ сердцемъ не въ ладу». Въ результатъ—«милліонъ терзаній», «Горе отъ ума».

Судьба—проказница, палуня,
Опредѣлилась такъ сама;
Всѣмъ глупымъ—счастье отъ безумья,
Всѣмъ умнымъ—*Горе отъ ума*.

Горе тѣмъ болѣе сильное, что внѣшній разладъ осложняется внутреннимъ, что Чацкій—прототипъ «лишнихъ людей»...

Вл. Маллашъ.
